

Легендарный французский актер Жан Маре не дожил до своего 85-летия всего месяц. Он был как всегда деятелен и переполнен планами. В середине января собирался отправиться в грандиозное театральное турне по Европе со своим спектаклем "Буря" по Шекспиру. Записывал компакт-диск для детей со сказками собственного сочинения. Хотел обновить экспозицию в галерее "Жан Маре" в Валлорисе, в которой представлены его авторские скульптуры, графика, керамика и полотна. И много размышлял о своей бурной, богатой событиями жизни. Незадолго до смерти он дал свое последнее интервью еженедельнику "Пари-матч", представляющее его не таким, каким мы привыкли видеть его на экране. Публикуем это интервью со вступительной статьей французского журнала.

Стефан ДЕНИ

"ПАРИ-МАТЧ", ПАРИЖ.

ОН СЛОВНО родился для того, чтобы стать героем наших детских снов. Белокуры красавец с античным телом и глазами цвета лаванды... Разве можно забыть тот влюбленный взгляд, которым его Чудовище смотрело на Красавицу?! Говорят, ему не нравился его собственный женоподобный голос, и, чтобы сделать его более хриплым, он полоскал горло коньяком. Живая легенда черно-белого кино, он привлекал всеобщее внимание еще и тем, что имел собственного "Пигмалиона" — великого Жана Кокто.

Жан Маре родился в 1913 году в Шербуре, и детство его было далеко не безоблачным. Его мать-клептоманка даже сидела в тюрьме. Развлечения ее носили весьма своеобразный характер. Изменив внешность, она отправлялась на прогулку по шикарным магазинам вроде "Картье" или "Гермеса". Улучив момент, прятала под юбку пару-тройку чернубурок и покидала заведение с гордым видом беременной матроны. Жан учился из рук вон плохо, поэтому в конце концов его выгнали из лицея. Он пробовал продавать газеты, потом поработал фотографом, наконец, покинув осточертевший Шербур, перебрался в Париж. Записавшись на актерские курсы Шарля Дюллена и за 10 франков в день ходил по сцене в латах, изображая римского легионера в "Юлии Цезаре". В Высшую театральную школу его так и не приняли. И тут случилось чудо. На просмотре спектакля в студии "Вакер", где он был статистом, его заметил присутствовавший в зале Кокто. Сразу же после спектакля Маре получил от Кокто телеграмму: "Случилась катастрофа. Я в вас влюбился". "Я в вас тоже", — сейчас же ответил молодой актер. Разумеется, он кривил душой. Кокто уже исполнилось тогда 48 лет, и Жану Маре он не мог не казаться старым. Но... Это ведь был знаменитый писатель! И Маре отправился в отель "Кастилия", где жил Кокто.

Неделю спустя он уже вовсю учился. Учился всему — ходить не сутулясь, никогда не врать, но уметь говорить приятную неправду, разбираться в человеческих достоинствах и пороках. Он не умел говорить, не умел двигаться, был неуклюж и неловок. Кокто взялся за него всерьез и вскоре познакомил его с режиссером Жаном Деланнуа, который начи-

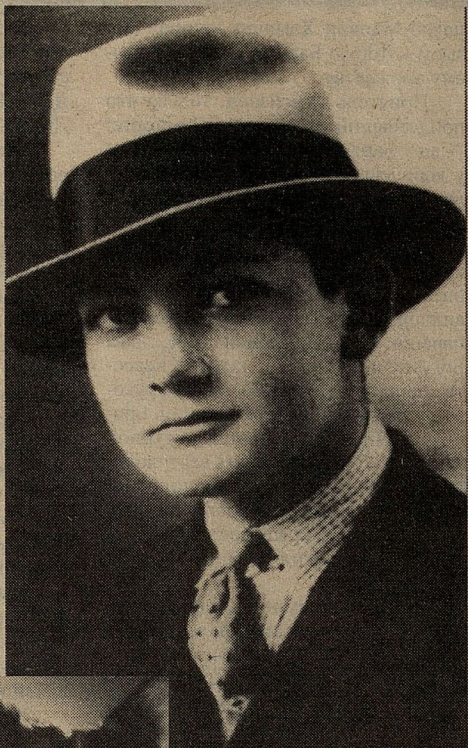
Первое фото во взрослом костюме. Жану 17 лет.

С верным псом Мулуком, подобранным на улице во время войны. Колли снялся с хозяином в картине "Вечное возвращение".

нал снимать по сценарию Кокто фильм "Вечное возвращение" — историю современных Тристана и Изольды. В оккупированной Франции приходилось осторожно выбирать сюжеты.

Выйдя на экраны, фильм в один день сделал Жана Маре знаменитым. Они с Кокто стали неразлучны. Однажды в ресторане молодой Жанно отдал тростю критика Алена Лобро, посмеявшегося напечатать разгромную статью о пьесе Кокто "Пишущая машинка" за месяц до премьеры. Хозяин ресторана бегал вокруг них и кудахта: "Только не в моем заведении! Умоляю, только не в моем заведении!" Актер послушался и выволок несчастного критика на улицу, под дождь, где и продолжил экзекуцию, приговаривая: "Что тебе сделал Жан-Луи Барро? А Кокто?" Этот эпизод, нашедший затем отражение в "Последнем метро" Франсуа Трюффо, как нельзя лучше отражает ненависть, с которой пресса обсуждала личные взаимоотношения Маре и Кокто. Разгорелся скандал. Имя Жана Маре уже пользовалось известностью. В театре он играл Мишеля в пьесе Кокто "Трудные родители", собиравшись сниматься в его же фильме "Красавица и чудовище". Жил он теперь то в доме Кокто, то в доме

матери в Везине. Мать свою Жан очень любил. ("Она прелесть, — говорил он. — Ее невозможно не любить, ведь она всегда весела, если только не мечтает устроить кому-нибудь сцену".)

После освобождения Франции от нацистов Кокто пришлось объясняться по поводу некоторых своих знакомств, в частности с Арно Брекером. Любимый скульптор Гитлера устраивал в Париже выставку, и Кокто оказался в первых рядах восторженных зрителей. В 1944 году ему это припомнили, и тогда Жан Маре, возможно, стремясь положить конец этим пересудам, пошел воевать против нацистов. Вместе с ним отправился на фронт и его верный пес Мулук, животное просто замечательное. Например, когда хозяин спускался в метро, Мулук проскальзывал за ним, делая вид, что потерялся и не имеет к Маре никакого отношения. После войны Жан Маре вновь начал выступать на сцене "Комеди Франсез", где играл в спектакле "Британикус". К этому же времени относится и его знаменитый эстрадный номер, в котором он изображал клоуна, взбирающегося на уличный фонарь. Потом были фильмы "Капитан Фракасс", "Железная маска" и "Парижские тайны". Во времена Помпиду французы условно делились на две части: старшее поколение усаживалось перед телевизором, когда показывали "Орфея" или "Двуглавого орла", а детишки, затаив дыхание, следили за подвигами журналиста Фандора в ленте "Фантомас", которого на самом деле больше всего интересовали прелести Милен Демонжо. Из тонкого эстета, одухотворенного дружбой с Кокто, он по-прежнему превращался в вечно улыбающегося плейбоя в элегантном пиджаке. Лицо его немного отяжелело, но его лу-

чие глаза продолжали глядеть с молодым задором. Публике нравилась его скромность. "В детстве я был отъявленным сорванцом. Я прекрасно знал свои недостатки. Люди всегда хорошо ко мне относились, но в глубине души мне казалось, что они во мне ошибаются", — писал он в своей книге "Мои простые истины". Маре не притворялся скромником, он действительно умел посмотреть на себя с иронией, со стороны. А ведь судьба свела его со многими великими мира сего. "Самое блестящее шоу в моей жизни разыгралось, когда однажды за обедом собрались Жене, Сартр, Кокто и я. И каждый из четверых старался затмить величием остальных..."

Маре снимался с самыми красивыми женщинами мира — Габриэль Дорзиа, Ядвигой Фейер, Мишель Морган, Эльвирой Попеску, Валентиной Тесье. Он побывал Эдипом, Цезарем, Нероном, Хосе, Кожаным чулком, д'Артаньяном, капитаном Фракассом и графом Монте-Кристо. Ему никогда не изменяли до-

рожательность и юмор. Он признавался, что если и способен на ненависть, то лишь к "злым людям". Он работал с такими крупнейшими режиссерами, как Жан Ренуар, Лукино Висконти и Жак Деми. Потом как-то незаметно его лицо исчезло с экрана. В 1963 году ушел из жизни Жан Кокто, а Жан Маре перебрался с баржи, на которой жил прямо на Сене, в красивый дом в Марн-ла-Кокет. Ему часто звонил Эдуар Дерми — последняя любовь Кокто. И, конечно, остались книги, которые он читал и перечитывал.

Жану Маре не довелось сняться в фильме "Смерть в Венеции", хотя он и мечтал об этой работе. Зато в театре он еще появился в "Короле Лире". Дни его теперь текли неторопливо. Он с увлечением занимался скульптурой, отлил в бронзе бюст писателя Марселя Эме. Наверное, он много размышлял о своей долгой жизни, промелькнувшей в лучах софитов и прожекторов. И неважно, что у королей в этом мире были короны из картона. Главное, что сердца их были из чистого золота.

Тренировка или просто игра? Маре демонстрирует чудеса фехтования приемному сыну Сержу и его невесте Анник. Свою прекрасную физическую форму Маре поддерживал, следуя простому правилу: "Девять часов сна и горячая ванна ежедневно".

След чудной потады

Анри-Жан СЕРВА

"КОГДА я увидела его, мои глаза едва не вылезли из орбит. В шортах, с обнаженным торсом, он показался мне сказочным пришельцем, так был прекрасен. Наша встреча произошла в деревушке Ланже, где он отдыхал. Хорошо помню, как у меня буквально перехватило дыхание. Я влюбилась в него сразу и без памяти".

Мила Парели — актриса, работавшая в кино с Ренуаром, Гитри, Кокто и Л'Эрбье, — была единственной большой любовью в жизни Жана Маре. Они провели вместе два года. "В 1942 году я была звездой. Мы должны были с ним сниматься вместе в одной комедии, где ему предстояло играть роль заключенного. По сюжету мы ни разу не появляем-

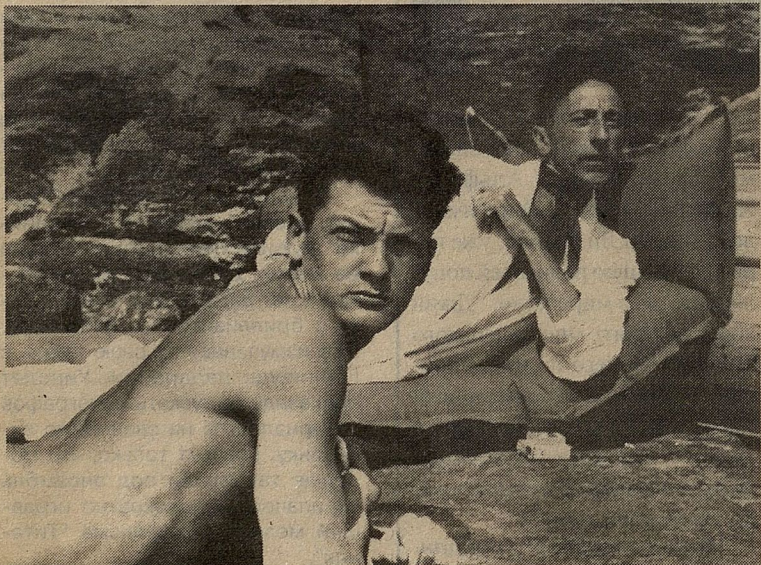
ся в кадре вместе, но перед съемками мне захотелось с ним познакомиться. И наша встреча стала для меня величайшим событием всей моей жизни".

Мила из скромности не уточняет, что и сама в те годы отличалась редкой красотой. В профессиональных кругах ее называли "изумительным созданием". И 29-летний Жан Маре не устоял перед ее чарами. "Конечно, я все о нем знала, но это меня несколько не тревожило. Я ведь не ревнива. Мы прекрасно ладили друг с другом, и наши отношения ничем не отличались от отношений других влюбленных мужчин и женщин. Эти два года мы практически ни на день не расставались. Дружью привыкли видеть нас повсюду вдвоем — на съемках или на отдыхе

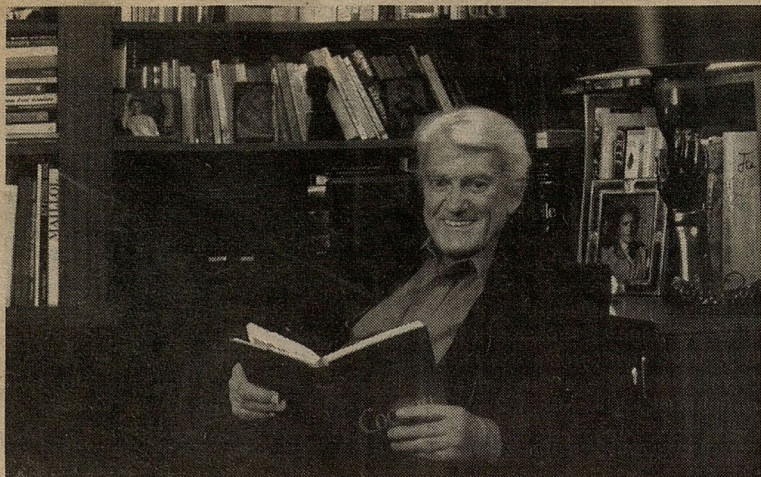
— и везде в сопровождении Мулука, колли Жана. Журналисты просто осаждали меня. Особенно их интересовало, как именно мы занимаемся любовью. И я всегда отвечала: "Не спеша". А Жанно хохотал, как мальчишка".

Милу Парели и Жана Маре связывала не только физическая близость. "Вы даже представить себе не можете, какое сердце билось в груди у этого человека. Сколько в нем было благородства и душевной щедрости! Я ни разу не слышала, чтобы хоть о ком-нибудь он отзывался дурно.

Когда он ушел на фронт, я поехала за ним. Шутила, что придется ему делиться мною со всем полком. Мы оба смеялись, потому что понимали, что верны друг другу. Помню, я поцеловала ветровое стекло его джипа,

С Жаном Кокто на отдыхе.

Маре в квартире на Монмартре. Лампа выполнена по рисункам самого актера, в свою очередь, скопировавшего ее с канделябров из фильма "Красавица и чудовище".

Его последнее интервью

В сентябре 1998 года, в Ваморисе, Жан Маре дал свое последнее интервью Дени Таранто.

— 11 октября 1963 года умер Жан Кокто. Где вы были в тот день?

— У себя дома, в Марн-ла-Кокет. Услышав эту ужасную новость по телефону от Эдуара Дерми, я поехал в Мийи-ла-Форе. Жан лежал на кровати напротив большого зеркала. Он, который всю свою жизнь рассказывал людям о зазеркалье! Меня это просто потрясло. Стали обсуждать, кому сидеть возле него ночью. Я сказал: "Мне бы очень хотелось, но я засну, я себя знаю". Сел на небольшой диванчик и стал смотреть на него. В зеленом фраке он выглядел очень красивым. В своем фильме "Завещание Орфея" Кокто предупреждал: "Не плачьте!" Я тихонько прошептал ему: "Видишь, я совсем не плачу. Я засну и буду очень долго спать, лишь притворяясь живым".

— Почему он перед смертью был не с вами?

— Об этом я узнал позже от Кароль Вейсвеллер. Жан не хотел приезжать в Марн-ла-Кокет, потому что вновь начал курить опий. Он не хотел, чтобы я об этом узнал. Но если бы он только сказал мне, что ему от этого легче, я сам стал бы набивать ему трубку! Врачи советовали ему непременно заняться какой-нибудь работой, которая выматывала бы его меньше, чем литературное творчество. Послушавшись их, он написал инсценировку "Ученика дьявола" по пьесе Джорджа Бернарда Шоу. После его смерти я чувствовал себя обязанным поставить эту пьесу. Связался с Эльвирой Попеску, но именно в это время в Парижском театре сменилось руководство, и у меня ничего не вышло. Лишь через пять лет мне удалось осуществить этот проект. И только тогда я понял, что должен проснуться. (Смеется). Именно в тот день мне стало совершенно ясно: жить надо для того, чтобы продолжать дело Кокто.

— Вы пережили тогда страшное горе. Чувствовали ли вы что-нибудь, кроме боли?

— Это очень странно, но я и сегодня продолжаю испытывать почти то же самое. Видите ли, мне почему-то все время кажется, что Жан где-то здесь, совсем рядом. Для меня он по-прежнему жив. Я ощущаю его присутствие везде. Мне даже кажется, что я могу ему позвонить или написать записку. Как будто он просто вышел.

— Расскажите, как вы с ним познакомились.

— Это было в 1937 году. У одного своего приятеля я увидел очень любопытный портрет. Изображенный на нем человек чем-то походил на меня самого. На вопрос, кто автор портрета, мне ответили: "Жан Кокто". В Театре комедии на Елисейских полях шла в это время его пьеса "Адская машина", на которую я и отправился. И был сражен просто наповал. Я дал себе слово познакомиться с автором во что бы то ни стало. Я учился тогда на курсах Шарля Дюллена, мечтал поступить на работу в театр и беспрестанно твердил всем знакомым, что мне не только везет самому, но я всегда приношу удачу другим. Правда, в Высшую театральную школу меня почему-то не приняли... Потом позвонил кто-то из приятелей: "Слушай, в субботу в студии "Вакер" будет просмотр. Хочешь участвовать? Роль у тебя будет эпизодическая, но устраивают просмотр для Кокто".

— И какую же предложили вам роль?

— Я стоял на пьедестале, изображая статую, и на мне не было надето

почти ничего, кроме каких-то металлических полосок. Костюмы для спектакля делала Коко Шанель, и они отличались большой оригинальностью. Довольно странной была и режиссура. Актеры двигались на прямых ногах, словно механические куклы. Дело в том, что они изображали... цифры. Семерку, четверку, ноль... Публика свистела и плевалась. Тогда я резко повернул голову и с высоты пьедестала свирепо посмотрел в зал, стараясь поймать взглядом особенно буйного зрителя. И зал почему-то притих. Кокто потом признавался, что его потрясло, как никому не известному дебютанту удалось призвать к порядку переполненный зал.

— Он называл вас разными именами — Жанно, Добрый ангел, Сынок, Дорогуша. Какое из них наиболее полно отражает суть ваших взаимоотношений?

— Просто Жанно. Я ведь тоже звал его Жанно.

— Он считал вас своим духовным сыном?

— Кокто даже хотел официально меня усыновить, предлагая моей матери выйти за него замуж. Но я ему сказал: "Не делай этого, Жан. Стоит тебе надеть ей на палец обручальное кольцо, и пиши пропало, она не даст тебе житья". И он послушался. Он всегда безукоризненно вел себя с моей матерью, на что она отвечала ему искренней ненавистью. Впрочем, мать ненавидела всех, кого я любил.

— В письмах к вам Кокто предстает то безнадёжно влюбленным, то демонстрирующим отцовские или братские теплоту и нежность. Он ведь был не очень самоуверенным человеком?

— Наша дружба приняла такой огромный размах, что он даже испугался. Как-то Жан уехал, не попрощавшись со мной. На долгие месяцы я потерял его, но потом он все-таки вернулся. Я вел в то время так называемую "бурную жизнь", в чем честно ему признался. Лгать ведь я никогда не умел. Он сразу погрузился, потому что считал именно себя виноватым в моих похождениях. Жан корил себя за то, что не смог меня "удержать". Я мог сотни раз твердить ему, что далеко не так кореш, как он думает. Все это было бесполезно, он не хотел этому верить.

— Вы цельная натура?

— О нет, вовсе нет! Во мне столько же хорошего, сколько и дурного. Как, впрочем, и во всех нас. Но я всегда старался стать лучше, чтобы приблизиться к тому образу, который видел во мне Жан.

— Кокто ради вас занялся кинематографом?

— Нет, он ведь еще в 1930 году написал сценарий для фильма "Кровь поэта". Правда, сценарий "Вечного возвращения" в 1943 году он написал уже специально для меня. Его бесили приглашения на съемки, которые я тогда получал. "Ты герой, — твердил он мне, — и я напишу для тебя роль героическую, роль великого влюбленного". Для него во всей мировой литературе не существовало других великих поэм о любви, кроме "Ромео и Джульетты" и "Тристана и Изольды". И он написал новую историю Тристана для Мадлен Солонь и Жана Маре. Потом появились его собственные фильмы: "Красавица и чудовище" (1946), "Орфей" (1949) и мой первый фильм в жанре "плаща и шпаги" — "Рюи Блаз" (1947).

— Снявшись в "Фантомасе", вы стали одним из зачинателей жанра "сериалов". Что говорил об этой

вашей роли Кокто?

— Он и сам в детстве зачитывался "Фантомасом". Он вообще прочел все романы Пьера Сувестра и Марселя Алена. Так что я даже горжусь, что воплотил этот злобный образ на экране.

— Чего вы не смогли осуществить за свою кинокарьеру?

— Я очень жалею, что не снялся в картине Лукино Висконти "Смерть в Венеции".

— Четверть века ваша жизнь была неразрывно связана с Жаном Кокто. Трудно ли вам мириться с тем, что уже 35 лет его нет рядом с вами?

— Я не считаю, что его нет. Он для меня по-прежнему жив. И хотя сейчас я гораздо меньше занимаюсь им и его творчеством, это ничего не меняет. Видите ли, я недавно очень тяжело переболел. Я и сейчас еще неважно себя чувствую.

— Вы пережили страх смерти?

— Нет-нет, я вовсе не боюсь смерти. Но 10 октября 1997 года я не забуду никогда. По всему Парижу расклеили огромные афиши спектакля по шекспировской "Буре" в театре "Эльдорадо". С этих афиш смотрел я сам, напоминая Господа Бога, восседающего на облаке. А я в тот момент прощался с жизнью. Вдруг потерял сознание у себя в ванной, где меня и нашла перепуганная служанка. Вызванный врач перетащил меня на кровать, измерил температуру — 41 градус. У меня всего три раза в жизни поднималась такая высокая температура. Я уже почти ничего не соображал, не понимал даже, где нахожусь. Врач на своей машине отвез меня в больницу. Сильнейшая двусторонняя пневмония полтора месяца держала меня в реанимационном отделении. Представляете, что было бы, если б я умер?! А спектакль? Вот уж был бы обман почтенной публики! (Смеется).

— Когда вам стало лучше, вы приехали сюда, в Валлорис?

— Да. Как-то ночью я решил, что могу уже наконец встать. Но руки и ноги у меня ослабли настолько, что я тут же упал. И разбил голову, да так, что сразу хлынула кровь. Попробовал было встать, цепляясь за ящики стола. Но куда там... Так и забылся на полу. Рано утром пришли соседи, растормошили меня, перенесли в постель. Температура опять подскочила... Оказалось, падая, я разбил стакан, вот почему было так много крови. Помню, я обнаружил рядом с собой полную тряпку и, вытирая ею кровь с лица, думал: "Хорошо, что салфетка под руками..." (Смеется). Мой друг, ухаживавший за мной, по профессии врач-гинеколог. И я всегда с гордостью говорю знакомым, что у

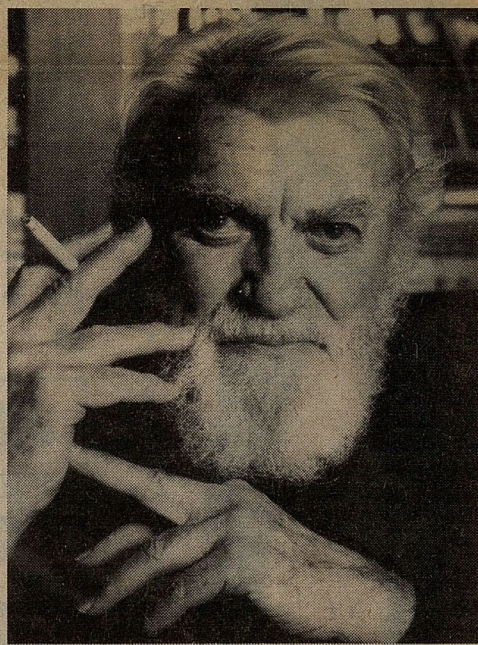
меня есть "свой гинеколог". А вот третий приступ температуры случился в июне. Жара стояла неимоверная, а я лежал под одеялом, стуча зубами от холода. Меня колотила такая дрожь, что казалось, тело подпрыгивает. И вновь температура подскочила до 41 градуса. И все вокруг без конца твердили: "Это серьезно. Это очень серьезно..." (Громко хохочет).

— А страха смерти по-прежнему не было?

— Нет. В юности мне даже казалось, что я бессмертен. Конечно, я был тогда невежествен и глуп. На войне во время бомбежки все вокруг падали лицом вниз и прижимались к земле, а я ложился на спину и невозмутимо разглядывал, как летят бомбы. В 1944 году я служил в дивизии Леклерка и ежедневно приставал к товарищам с вопросом, когда же наконец "пойдем на дело". Как-то раз в Эльзасе мы попали в переделку. Все, выскочив из машин, спрятались в траншею, а я один остался сидеть в грузовике. Мне очень хотелось впечатлений. В кино ведь я всегда играл героев, ну а в жизни ничего героического на мою долю не выпало. Знаете, чем я занимался в дивизии? Ходил по брошенным домам и прибирался в них. Выбрасывал на улицу разбитые и сломанные вещи. Нашел как-то банку вишневого варенья и вышел с ней на улицу. Ел варенье, а косточки выплевывал на снег. Товарищи кричали мне: "Идиот! Беги в убежище, тебя же сейчас убьют!" В конце концов мне даже дали крест, только я его не ношу, потому что его не заслужил.

— Вы и на войне носили шинель, шитую Коко Шанель, а ваш альпинисток украшали ее инициалы...

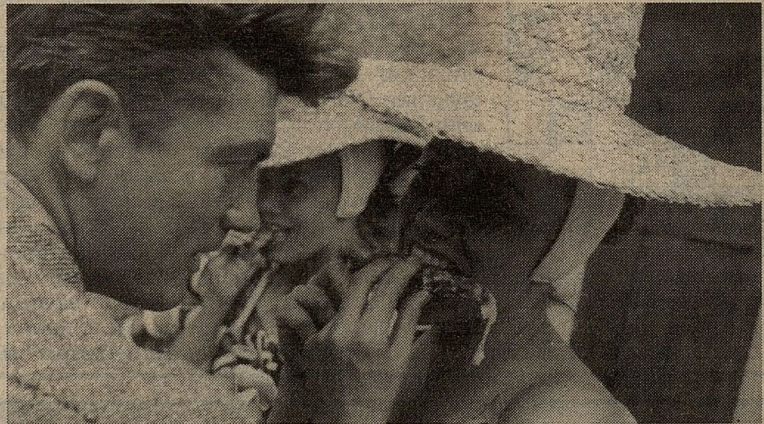
— Да, она сказала, что берет надо мной шефство. Но я ей ответил: "Коко, я не могу принять ваши подарки, потому что у моих товарищей ни-

Маре не любил, когда его называли "художником". По его мнению, художники слишком серьезные люди, чтобы он мог себя к ним причислить.

и на нем остался след моей губной помады. Жан этот отпечаток не стирал... Потом он вернулся в кино. Жан Кокто, которого я очень любила (и он платил мне взаимностью), мечтал нас поженить. "Женись на Миле, — твердил он ему. — Она ведь так тебя любит!" Увы, жизнь слишком часто разлучает влюбленных. Но мы навсегда сохранили нашу дружбу". К моменту съемок фильма "Красавица и чудовище", которыми руководили Жан Кокто и Рене Клеман, Маре и Мила уже расстались, однако продолжали относиться друг к другу с большой нежностью. "Помню, мы как-то ужинали в компании с Кокто, Кристианом Бераром и Роланом Пети. И все трое наперебой стали уговаривать нас родить троих детей и раздать им — по одному на каждого".

В жизни Жана Маре Мила Парели осталась единственной женщиной. Впоследствии она вышла замуж за знаменитого шотландского

1945 год. Маре с единственной женщиной, которую он любил, Милой Парели, во время съемок фильма "Красавица и чудовище".

автогонщика Тейзо. "Кино я бросила, переехала сначала в Лиссабон, а затем в Лондон. Когда Жанно открыл свою галерею на улице Фобур-Сен-Оноре, он пригласил меня в Париж. Мы никогда не теряли друг друга из виду". Сегодня Миле Па-

рели уже 80. Она живет в Виши. Все эти годы по крайней мере раз в неделю она разговаривала с Жаном Маре по телефону. Теперь, после его смерти, у нее остались его письма и статуэтка Богородицы, которую он изваял специально для нее.